

Предисловие

Год 1313-й. После почти семи лет войны Роберт Брюс вернулся практически из небытия, чтобы отобрать большую часть королевства у англичан и выступавших против него шотландцев.

Последний вызов англичан будет брошен очень скоро, а пока в Шотландии сохранялись очаги сопротивления человеку, которого называли королем Робертом I. Самым значительным из них оставалась юго-западная провинция Галлоуэй, которой правил Дугалд Макдауэлл, безжалостный глава клана Макдауэллов.

Заставить повиноваться Макдауэлла, ответственного за один из самых мрачных моментов в борьбе за трон, стало главной заботой Роберта Брюса.

К выполнению столь важной миссии он привлек Йена Маклина, одного из своих прославленных воинов из тайной элитной шотландской гвардии, у которого были личные причины желать разгрома Макдауэллов.

Но только месть никогда не бывает такой легкой, как кажется, и Йену, в конце концов, предстоит посмотреть в лицо прошлому, которое продолжает его преследовать, и вернуться к дням, предшествовавшим началу борьбы Брюса за трон.

Глава 1

*Церковь Святой Девы близ замка Бернард
Дарем, Англия, 17 января 1313 года*

День был чертовски хорош для свадьбы, и Йен Маклин, решивший использовать свадебные торжества как ловушку — чтобы схватить самого разыскиваемого в Шотландии человека, — умел ценить иронию.

Солнце, много недель прятавшееся за грозowymi облаками, выбрало именно это утро в середине зимы, чтобы вновь появиться на небосклоне и ярко осветить насквозь промокший английский городок, заставив густую траву вокруг маленькой церкви искриться, а оставшуюся на деревьях листву таинственно мерцать. Создавалось впечатление, что деревья сделаны из золота и янтаря. К сожалению, солнце освещало и сверкавшие под его лучами кольчуги, не позволяя воинам слиться с окружающей местностью и остаться незамеченными (эти длинные кольчуги были непривычными для людей Брюса, предпочитавших легкие кожаные котуны), но в данном случае без них было не обойтись.

С их позиции на поросшем лесом холме за церковью крошечная деревушка на реке Тис, притаившаяся в тени замка Бернард, выглядела прелестной и живописной — великолепный фон для красавицы невесты и ее английского жениха.

Губы Йена сжались, он сурово нахмурился, и на душе у него стало беспокойно. Ему было стыдно портить праздник: ну, почти стыдно, — но он ждал этого дня шесть лет, и ничто не могло помешать ему наконец-то схватить человека, ответственного за самую ужасную катастрофу, обрушившуюся на Роберта Брюса (а их случилось не-

мало — было из чего выбирать). И если для этого ему, Йену, придется разрушить счастье молодоженов, что ж, значит, им не повезло.

Наконец-то они добрались до негодяя Дугалда Макдауэлла, главы древнего кельтского королевства Галлоуэй, последнего, что противилось правлению Брюса. Именно Дугалд Макдауэлл был виновен в убийстве семи сотен человек, среди которых были два брата Брюса. Ублюдок годами уходил от преследования, но все-таки совершил ошибку.

Йен машинально поискал пальцами резной кусочек слоновой кости, который всегда носил в поясной сумке — споране. Он был на месте, как и зачитанный клочок пергамента. Без этих своеобразных талисманов Йен никогда не шел в бой.

— Ты уверен, что он будет здесь?

Йен повернулся к говорившему. То был Юэн Ламонт, его соратник по шотландской гвардии и один из дюжины воинов, сопровождавших его в этой опаснейшей миссии глубоко в тыл врага. Сам Брюс тоже прошлым летом возглавлял рейды в Дарем, но в распоряжении короля имела армия. А вот если горстка людей Йена попадет в беду, то здесь, за сотни миль от шотландской границы, им никто не придет на помощь. Здесь он, Йен, единственный командир, и его долг — позаботиться о своих людях.

«*Opugnate acriter!*» — «Бей сильно!» Он всегда так и делал, потому и заслужил свое прозвище — Гарпун. Так его прозвали воины тайной шотландской гвардии Брюса. Раз за разом дерзкие вылазки людей Брюса наносили сильнейшие удары по противнику, и сегодняшний день — не исключение. Просто сегодня план оказался даже более смелый (или безумный), чем обычно. А это говорило о многом.

Йен встретился взглядом с другом, глаза которого блестели в прорезях шлема.

— Да, уверен, — отозвался Йен. — Макдауэлл ни за что на свете не пропустит свадьбу дочери.

О планируемой свадьбе Мэгги — Маргарет — он узнал случайно. Йен, Ламонт, Робби Бойд и Джеймс Дуглас весь последний месяц находились в Галлоуэе вместе с Эдуардом Брюсом, единственным оставшимся в живых братом

короля, и они делали все возможное, чтобы нарушить связи и пути подвоза между крепостями Макдауэлла в юго-западной провинции Галлоуэя и Карлайлом в Англии, поставлявшим им провизию и прочие грузы. Во время одной из вылазок они перехватили почту, в которой обнаружилось письмо от сэра Джона Коньерса, управляющего замком Барнард, графу Уорвику. В нем была указана дата венчания Коньерса с возлюбленной дочерью Макдауэлла. У Дугалда было восемь сыновей и только одна дочь, поэтому ошибки быть не могло.

Зная о слабости друга к этой женщине, Ламонт усмехнулся:

— Полагаю, то же самое можно сказать и о тебе.

Губы Йена скривились в ухмылке. Впрочем, в его глазах было больше гнева, чем веселья.

— Ты чертовски прав, — проворчал он.

Да, верно. Эту свадьбу он не пропустит ни за что на свете. А тот факт, что он сможет наконец схватить своего самого ненавистного врага, делал происходящее еще привлекательнее. Два давних долга будут уплачены в один день.

Но... проклятье! Сколько же это займет времени? Он всегда испытывал нетерпение перед ответственной миссией, но сегодня дела обстояли даже хуже, чем обычно. Хм... что это? Неужели у него дрожат руки?

Он бы посмеялся, если бы не понимал, в чем дело. Тот факт, что он, Йен, увидит ее после всех прошедших лет — после того, что она сделала, — приводил его в бешенство, отсюда и нетерпение... Но нет, он вовсе не переживает. Он холоден словно лед и тверд как сталь. Его ничто не беспокоит и не проникает в душу. Уже давно.

Наконец на подъемном мосту появились всадники, один из которых держал в руке сине-белый флаг, возвещавший о прибытии жениха.

Йен прищурился, поправил тяжелую кольчугу и надел украденный плащ-сюрко, который вовсе не случайно тоже был сине-белым.

— Готовимся, — сказал он приятелю. — Скажи, чтобы все приготовились и ждали моего сигнала.

Ламонт кивнул, но не пожелал командиру удачи —

6 Йену это не требовалось. Когда речь шла о стратегии

и планах, ему не было равных. Он любого мог перехитрить, переиграть, превзойти, а если необходимо, то и одержать верх в открытом бою. Пусть шесть лет назад Макдауэлл вышел победителем, но сегодня Йен сравнивает счет.

— *Bàs goimh Gèill!* — сказал Ламонт.

«Умрем, но не сдадимся!» — таков девиз шотландской гвардии. И если им повезет, то Дугалд Макдауэлл непременно будет мертв.

Она все делает правильно, Маргарет в этом не сомневалась. Прошло почти шесть лет. Она достаточно погоревала и заслужила шанс на счастье. Но, что еще важнее, ее сын заслужил шанс вырасти под влиянием хорошего человека. Доброго человека. Мужчины, которого не ожесточило поражение.

Все так, но почему-то она встала еще до рассвета и все утро суеутилась, не в силах посидеть спокойно ни минуты. Маргарет чувствовала подступающую панику — именно панику, а не приятное предсвадебное беспокойство.

Мэгги вовсе не нервничала из-за свадьбы. Только немного заныло сердце, когда она позволила себе мысленно вернуться в те времена, когда жизнь казалась ей прекрасной. Она тогда была так счастлива, так переполнена любовью и надеждами на будущее... Сердце заныло сильнее, и Маргарет тяжело вздохнула.

О, она была наивной дурочкой, дерзкой и уверенной, что все будет так, как она захочет. Лучше бы ей тогда побеспокоиться.

Но, увы, Маргарет была очень молода — слишком молода. Ей было всего лишь восемнадцать. Ах, если бы вернуться назад! Сейчас, накопив кое-какой жизненный опыт, она бы вела себя иначе.

Но нет, прошлое изменить невозможно. Что же касается будущего... Не думать об этом! Она вернулась в настоящее и сосредоточилась на мыслях о сыне — именно это помогло ей излечиться от прошлой боли, вырвало из беспросветной тьмы и заставило жить. Она стала думать о своем пятилетнем сыне Эхане, или, как его звали англичане, Гекторе.

У Эхана была маленькая комнатка, смежная с ее комнатой, в особняке, который являлся их домом в Англии

в течение последних четырех лет — после того как ее отец был вынужден бежать из Шотландии, — но сегодня утром они с сыном покинут Темпл-Котон навсегда. После свадебной церемонии они переедут в замок Бернард вместе с ее женихом — нет, мужем, поправила она себя, в очередной раз почувствовав, как сердце упало куда-то в живот и тревожно заколотилось.

Маргарет заставила себя улыбнуться и с любовью взглянула на сына, который сидел на кровати и беззаботно болтал ногами, наклонив кудрявую головку. Его шелковистые волосики, в младенчестве совсем светлые, уже начали темнеть. Как у его отца. Он вообще так похож на отца, что один только взгляд на него должен был причинять боль, но ничего похожего не происходило. Каждый взгляд на сына приносил ей радость. В Эхане она видела ту часть мужа, которую не смогла отнять смерть. Ее сын принадлежал ей безраздельно — так, как никогда не принадлежал муж.

Ее захлестнула горячая волна любви.

— Тебе что-нибудь нужно?

Эхан взглянул на мать. Его глаза поражали пронзительной голубизной. Это были глаза мужчины, который дал ему свою кровь, пусть даже ничего больше. Мальчик пожал плечами. Он был копией отца, таким же серьезным и задумчивым.

— Думаю, что нет, — отозвался малыш.

Обойдя два больших сундука, Маргарет внимательно оглядела комнату. Следовало убедиться, что они ничего не забыли. Прямо под ногами мальчика выглядывал из-под кровати уголок темного дерева.

Заметив, куда мать смотрит, Эхан попытался задвинуть деревяшку дальше под кровать.

Маргарет нахмурилась и присела на край кровати рядом с сыном. Он не смотрел на нее. Но ей не надо было видеть его лицо, чтобы понять, как он огорчен.

— Почему ты решил не брать с собой шахматную доску? — спросила она. — Мне казалось, это твоя любимая игра.

Мальчик покраснел.

— Дедушка сказал, что я уже слишком большой, чтобы играть с куклами. Я должен научиться владеть мечом, иначе стану таким же вероломным ублюдком и предателем, как мой отец.

Малыш стиснул зубы. Его лицо стало упрямым и суровым. Мэгги тихо вздохнула. Интересно, почему она никогда не замечала отрицательных черт своего отца, пока они не проявились в его внуке?

— Но он не предатель! Я обязательно позабочусь о том, чтобы кровавый узурпатор был свергнут с трона, а добрый король Иоанн вернул себе корону. Пусть даже это будет мое единственное дело на этой земле.

Маргарет похолодела. Эхан говорил словами ее отца. Малыш вдруг поднял голову и спросил:

— А что такое ублюдок?

— К тебе это не имеет никакого отношения, — сказала Маргарет и крепко обняла сына.

Если ей требовалось еще одно доказательство того, что она поступала правильно, она его получила. Маргарет любила отца, но она не позволит ему дурно влиять на малыша. И она не допустит, чтобы Эхан превратился в злобного брюзгу, абсолютно уверенного в том, что весь мир ополчился против него. Отец искренне считал себя последним истинным патриотом, сторонником дела Баллиола, и единственным представителем шотландской знати, до сих пор не подчинившимся узурпатору — Роберту Брюсу.

Маргарет понимала отца и даже сочувствовала ему, но при этом не желала, чтобы ее сын превратился в миниатюрную версию деда. Дугалд Макдауэлл считал отца Эхана вероломным ублюдком, но любил своего единственного внука. Он недавно сообщил о своем решении — Эхану предстояло воспитываться у Тристана Маккана, его преданного оруженосца, и таким образом мальчик находился бы ближе к деду. Это стало последней каплей, и Маргарет приняла предложение сэра Джона Коньерса.

Когда настанет время и сыну придется ее покинуть — да поможет ей Господь пережить этот день, — сэр Джон, а не ее отец выберет для него подходящую семью. Пусть лучше мальчика воспитывает английский рыцарь, а не человек, полностью находящийся под влиянием ее отца. Безопасность сына превыше всего.

— Шахматные фигурки не куклы, любовь моя.

Маргарет достала из-под кровати доску, раскрыла ее и стала с любовью перебирать вырезанные из дерева и покрашенные фигурки. В некоторых местах краска облупилась, а тщательно прорисованные лица фигурок поблекли от частого прикосновения пальцев игроков. Она научила Эхана играть в шахматы, когда ему было три года. Правда, играть ему приходилось в основном с самим собой, поскольку — стыдно признаться — у нее никогда не хватало на это терпения. Но мальчик полюбил эту игру. Ее сын был удивительно умен, и Маргарет им бесконечно гордилась.

— Шахматы — игра королей, — добавила и криво улыбнулась. — Твой отец часто играл в шахматы.

Эхан явно удивился. По разным причинам мать редко говорила об отце — в основном потому, что любое упоминание о нем вызывал гнев в ее семье. Все они старательно делали вид, что «вероломный ублюдок» никогда не существовал на свете — и уж точно не имеет отношения к Эхану. Хотя достаточно было одного взгляда на мальчика, чтобы убедиться в ошибочности такого мнения.

— Правда? — переспросил Эхан.

Маргарет кивнула.

— Да, правда. Это он научил меня играть. Твой дедушка так и не освоил эту игру, поэтому... — Мэгги на мгновение задумалась, подбирая слова. — Он не может понять, насколько полезно для воина умение играть в шахматы.

Эхан очень удивился.

— Но почему?

Маргарет ухмыльнулась.

— Ну, доску можно метнуть, как диск, а фигурки использовать в праще.

Мальчик закатил глаза. Ей никогда не удавалось провести его, хотя малышу было всего пять лет. Он всегда понимал, когда она его дразнит.

— Не говори глупости, мам. Это плохое оружие.

В этот момент он был так похож на отца, что Маргарет пришлось рассмеяться, чтобы не расплакаться.

— Ладно, ты меня поймал. Я пошутила. Ты прочитал до конца фолиант, который нашел для тебя отец Кристофер?

Сначала они читали его вместе, но Эхан читал намного быстрее, и ему наскучило ее ждать. Сын быстро обгонял ее во всех науках.

Мальчик утвердительно кивнул, а Маргарет продолжила:

— Царь Леонид был великий воин. Никто не мог превзойти его во владении мечом, но вовсе не это сделало его великим полководцем, обессмертившим свое имя в веках. Он был очень умен. Именно ум помог ему победить персов при Фермопилах. Он разрабатывал планы и принимал стратегические решения применительно к местности, на которой находился.

Эхан широко улыбнулся.

— Так же, как в шахматах?

— Вот именно. Твой отец тоже был непревзойденным мастером стратегии. Он был одним из умнейших людей, которых мне доводилось встречать. Например, ты смотришь на шахматную доску и видишь, что делать, а он смотрел на армию на поле боя — и тоже видел. Видел, как будут развиваться события дальше. Он мог разгромить врага, даже не вытащив меч из ножен.

Правда, отец Эхана предпочитал боевой топор, как и его прославленный дед, в честь которого он был назван, мечом он также владел в совершенстве. Но Маргарет не стала говорить об этом. Хотя прозвище ее сына намекало на связь с одним из величайших воинов древности Гектором Троянским, героем Троянской войны, Эхан пока был слишком мал, и ему еще предстояло почувствовать любовь к оружию. Она ничего не имела против того, чтобы ее сын вообще никогда не брал в руки оружия, а посвятил жизнь... предположим, книгам. Но она знала: Дугалд Макдауэлл хотел, чтобы его внук превратился в яростного воина, очередного Макдауэлла, посветившего свою жизнь войне, которая никогда не кончится.

Но она этого не допустит. Постоянный конфликт, омрачающий ее жизнь — разрывающий ее жизнь на части, — не омрачит жизнь ее сына.

Маргарет встала.

— Почему бы тебе не положить шахматы в дорожный сундук? А я пока скажу дедушке, что мы готовы.

Мальчик кивнул и спрыгнул с кровати. Маргарет уже подошла к двери, когда вдруг почувствовала, как маленькие ручки обвилились вокруг ее ног, а тоненький голос прошептал:

— Я люблю тебя, мама.

Ее глаза наполнились слезами, и она, сдерживая их, пробормотала:

— А я люблю тебя, малыш. Люблю больше жизни.

Произнося эти слова, Маргарет ощутила прилив уверенности. Да, она все делала правильно.

Три часа спустя ей пришлось напомнить себе об этом. Когда она подошла к дверям церкви и увидела отца, сына и шестерых братьев слева от нее, а сэра Джона справа, да и весь гарнизон Бернард собрался вокруг, уверенность в том, что она поступала правильно, покинула Маргарет. Напротив, теперь ей казалось, что она совершала ужасную ошибку.

И если бы не твердая рука, поддержавшая ее, то она вполне могла бы рухнуть на землю. Ее ноги словно превратились в желе.

Сэр Джон, вероятно, что-то почувствовал, накрыл ладонью ее пальчики, лежащие на сгибе его локтя, и тихо спросил:

— Ты в порядке, дорогая? Ты сильно побледнела.

Маргарет пришлось задрать голову, чтобы взглянуть на будущего супруга. Он был очень высок, хотя и не так высок, как ее первый муж. Но сэр Джон тоже был красив. Может быть, даже красивее, если предпочитаешь мягкое совершенство резким, словно вырубленным из камня чертам. И еще сэр Джон любил улыбаться, и делал это довольно часто в отличие от ее первого мужа, который почти никогда не улыбался. Заставить его улыбнуться было настоящим испытанием. Зато когда Маргарет это удавалось, она чувствовала, что получила величайшую награду. Кроме того, жизнь сэра Джона не ограничивалась только сражениями в отличие от жизни ее первого мужа, который постоянно думал о битвах и говорил в основном о них. Нет, у сэра Джона было много разных интересов, и он часто беседовал с ней, делился своими мыслями и не относился к ней как к досадной помехе.

Тогда почему же она чувствовала себя все хуже и хуже? Почему правильная свадьба с совершенным

во всех отношениях мужчиной вызывает у нее намного меньше энтузиазма, чем прошлая неправильная свадьба с неподходящим мужчиной?

«Потому что ты его не любишь».

Но она полюбит его! Ее чувство вырастет и окрепнет, и ничто не сможет этому помешать. Ей дан второй шанс на счастье, и она его не упустит! Ни за что на свете.

Мэгги сделала глубокий вдох и улыбнулась, на сей раз вполне искренне.

— Я утром слишком нервничала и не смогла позавтракать. Боюсь, в этом все дело. Но не волнуйся, со мной все в порядке. Или будет в порядке, когда мы сядем за праздничный стол.

Сэр Джон нежно улыбнулся невесте. Ей показалось, что он почувствовал облегчение.

— Тогда не будем терять времени. — Он наклонился и прошептал ей на ухо: — Не хочу, чтобы моя невеста лишилась чувств еще до брачной ночи.

Их взгляды встретились. Маргарет заметила озорной блеск в глазах жениха и засмеялась.

— Значит, я должна лишиться чувств после ночи?

Сэр Джон лукаво улыбнулся.

— Посчитаю величайшим комплиментом, если так и произойдет. Любой жених надеется настолько утомить невесту, что она лишится чувств. — Он кивком указал на сопровождавших их солдат. — Должен же я чем-то похвастаться перед ними за кружкой эля?

— Ох, ты ужасен, — сказала Маргарет и снова засмеялась.

Вот почему она выходила за него замуж. Вот почему они будут счастливы. Он заставляет ее смеяться. А ведь она так давно не смеялась, что уже почти забыла, как это делается. Его чувство юмора такое же дерзкое и бесшабашное, как и у нее когда-то в прошлой жизни...

Проследив за его взглядом, Маргарет уставилась на большую группу воинов в кольчугах.

— Значит, вы об этом говорите, когда собираетесь вместе? — спросила она. — Но разве ты не нарушил какую-нибудь тайную мужскую договоренность, выдав мне этот секрет?

Сэр Джон ухмыльнулся.

— Возможно. Но я верю, что ты меня не выдашь.

«Ты меня не выдашь...»

По ее спине пробежал холодок. Взгляд зацепился за что-то в толпе. Кожу стало покалывать, а волосы на затылке вроде бы даже зашевелились.

Слова сэра Джона пробудили воспоминания, напомнили о чувстве вины.

«Никому не говори о моем присутствии».

Боль, которую не смогли унять шесть долгих лет, пронзила сердце. Господи, как могла она быть такой глупой? В том, что ее муж умер, есть только один положительный момент: она никогда не узнает, как сильно он стал бы ее презирать за предательство.

— Маргарет? — Голос сэра Джона вернул ее к действительности. — Нас ждут.

Священник и ее отец стояли рядом и, как выяснилось, смотрели на нее: священник — вопросительно, отец — хмуро. Игнорируя их обоих, Маргарет повернулась к жениху и тихо сказала:

— Тогда давайте начнем.

Стоя рядом у церковной двери, они отчетливо повторили слова клятвы, которой предстояло связать их навсегда.

Если воспоминания о другом обмене клятвами и пытались вторгнуться, Маргарет их не допустила. «На этот раз все иначе», — сказала она себе. Да, были клятвы у дверей церкви, но не будет мессы, потому что она вдова.

Конечно, ей ни к чему эта долгая и скучная месса, но Маргарет была достаточно умна, чтобы не говорить об этом. Теперь она поумнела и уже не является непочтительной дикаркой из Богом забытого уголка Галлоуэя. Она никогда не даст повод сэру Джону стыдиться ее.

Когда священник спросил, есть ли среди присутствующих человек, возражающий против этого союза или знающий причину, по которой брак не может быть заключен, Маргарет показалось, что у нее остановилось сердце. Тишина длилась целую вечность. И тут вдруг из толпы раздался голос:

14 — Мне известна такая причина.

Голос звучал громко и отчетливо, и тем не менее на какой-то миг Маргарет решила, что ей это почудилось. Толпа же возбужденно зашумела. Все головы повернулись к говорившему, и Маргарет поняла, что голос действительно прозвучал.

Сэр Джон тихо выругался и пробормотал:

— Если это чья-то злая шутка, кое-кто о ней пожалеет.

— Эй, вы, там! — крикнул священник. — Если вам есть что сказать, выйдите вперед и говорите.

Толпа расступилась, пропустив воина — очень высокого и мощного. Странно, но забрало его шлема было опущено.

Он сделал несколько шагов вперед, и Маргарет замерла. У нее перехватило дыхание. Только у одного человека на свете была такая походка — до боли знакомая.

«Нет, этого не может быть!»

Все в изумлении смотрели на воина, одетого в цвета Коньерса. Ее глаза тоже были прикованы к этому человеку.

Воин остановился в нескольких футах от нее.

Он стоял, не двигаясь и повернув голову в ее сторону. Его глаза были скрыты в тени стального шлема, но Маргарет чувствовала его взгляд: осуждающий, обвиняющий, презрительный.

У нее задрожали колени. Она была не в силах выносить эту пытку.

— Что все это значит, Коньерс? — спросил ее отец, явно обвиняя сэра Джона в неуместном поведении одного из его людей.

— Говорите, — приказал священник. — Вам действительно известно препятствие, из-за которого эта пара не может вступить в брак?

Воин поднял забрало шлема, и их глаза встретились. Маргарет так и не удалось забыть эти пронзительные темные глаза — синие, словно полуночное небо. Казалось, все ее тело скрутила боль — острая и безжалостная, голова закружилась. Слова воина доносились до нее словно откуда-то издалека.

— Да, препятствие есть. — Ах, этот голос! Сколько раз она слышала его по ночам — низкий, бархатистый, завораживающий: «О, Мэгги, это так приятно. Знаешь, что я сейчас сделаю?» — Невеста уже замужем.